

Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра святого до Богдана Хмельницкаго

Х.

12 Декабря 1586 года скончался любимый казачествомъ и всѣми своими подданными король Стефанъ Баторій. Въ Польшѣ опять настало междуцарствіе, но оно продолжалось недолго. 12 Декабря 1587 года, т. е. въ день годовщины смерти Баторія, былъ избранъ на Польскій престолъ сынъ шведскаго короля Іоанна III отъ его брака съ Екатериной, дочерью короля Сигизмунда I-го, — бездарный, отличавшійся самыми низменными свойствами души. Сигизмундъ III-й.

Поддавъ подъ вліяніе іезуитовъ и высокомѣрной польской шляхты, онъ ознаменовалъ начало своего царствованія жестокимъ, безразсуднымъ гоненіемъ на православный малорусскій народъ, которому Польша обязана была расширеніемъ своихъ границъ, достиженіемъ могущества и расцвѣта. Онъ положилъ начало непримиримой вражды между двумя родственными народами, жившими на протяженіи трехсотъ лѣтъ въ добромъ согласіи и единеніи „какъ равный съ равными и вольный съ вольными“. Дальнѣйшей безчеловѣчной политикой религіозной нетерпимости Сигизмундъ III пошатнулъ основы могущественнаго Польскаго государства, владѣнія котораго простірались тогда „отъ моря и до моря“ и поставилъ государство это на край гибели.

Въ 1589 году крымскіе татары опять сдѣлали хищный набѣгъ на юго-западные владѣнія Польши, но стѣсненные новымъ постановленіемъ короля казаки не могли уже ополчиться противъ опусто-

шавшихъ ихъ родину враговъ христіанства. Постановленіе Сигизмунда III не только ограничивало свободу дѣйствій малороссійскаго войска, но и уничтожало его прежнее самоуправленіе, а именно: главное начальство надъ нимъ переходило къ коронному, то есть назначенному отъ правительства, гетману, который, въ свою очередь, назначалъ ближайшихъ надъ казаками начальниковъ. Казаки должны были присягнуть, что безъ повелѣнія короннаго гетмана не предпримуть никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій противъ татаръ. Далѣе было постановлено, что реестръ казакамъ долженъ находиться у короннаго гетмана, что въ казачье войско никто вновь принимаемъ быть не долженъ, что казаки не могутъ никуда отлучаться безъ воли поставленныхъ надъ ними начальниковъ, что управители частныхъ имѣній всѣми мѣрами должны стараться не допускать бѣгства крестьянъ на днѣпровскіе острова и строго наказывать тѣхъ изъ бѣглецовъ, которые возвратятся съ военною добычею; что никто не долженъ продавать казаку ни жизненныхъ припасовъ, ни оружія, ни пороха, ни селитры. За нарушеніе сихъ постановленій владѣльцамъ имѣній предоставлялось казнить смертью своихъ управителей. Строжайше воспрещалось крестьянамъ отлучаться изъ своихъ селеній, крѣпостное же право надъ ними владѣльцевъ объявлялось неограниченнымъ.

Эти порабощительные законы вызвали глухой ропотъ среди малороссійскаго народа. Число бѣглецовъ на Запорожье изъ Волыни и Подоліи увеличилось. Жестокія угнетенія не только со стороны владѣтельныхъ пановъ, но и ихъ управителей и арендаторовъ заставляли крестьянъ бросать свои семьи и имущество и искать личной свободы на неприступныхъ днѣпровскихъ островахъ.

Такимъ образомъ число Запорожскихъ казаковъ увеличивалось, и въ 1592 году численность ихъ достигла 20000. Несмотря на постановленіе Сигизмунда III, подчинившее все малороссійское войско коронному гетману, запорожцы свободными голосами избрали въ гетманы генеральнаго есаула, православнаго шляхтича изъ Волынскаго Полѣсья, Ѳедора Косинскаго.

Въ томъ же году, въ трехъ воеводствахъ: волынскомъ, брацлавскомъ и кievскомъ вспыхнуло открытое возстаніе. Поднялось за свои права угнетенное крестьянство. Въ возстаніи этомъ приняли участіе и казаки. Оно въ началѣ было направлено главнымъ образомъ противъ порабощителей народа—польскихъ шляхтичей и магнатовъ, но, затѣмъ, приняло такіе размѣры, что правительство Рѣчи

Посполитой не безъ основанія стало опасаться не только за благополучіе польской шляхты, но и за цѣлость государства, такъ какъ казаки, овладѣвъ укрѣпленными городами, Кіевомъ и Бѣлой Церковью, открыто проявили намѣреніе выдѣлится отъ Польши Волынь и всю остальную юго-западную Русь.

Для подавленія возстанія было рѣшено объявить посполитое рушеніе. Силы оказались неравными: въ ожесточенной, кровопролитной битвѣ у мѣстечка Пятки, Житомирскаго повѣта, казаки понесли поражение и были разсѣяны.

Дальнѣйшія мѣры, принятія Рѣчью Посполитою, были направлены не къ умиротворенію свободолюбиваго народа, а къ цѣли убить въ этомъ народѣ всякое самосознаніе и превратить его въ безвольныхъ рабовъ господствовавшаго надъ нимъ польско-шляхетскаго сословія.

Но чѣмъ больше польское правительство старалось подавить и искоренить въ народѣ его самосознаніе, тѣмъ все съ большей и большей силой просыпался въ народныхъ массахъ духъ этого самосознанія, тѣмъ шире росли негодованіе и ропоть угнетаемыхъ, тѣмъ упорнѣе проявлялась борьба народа за свои человѣческія права, и новыя кровавыя событія являлись предвозвѣстниками грядущаго торжества правды надъ зломъ и гибели носителей этого зла.

XI.

Въ концѣ XVI столѣтія давнишнія попытки со стороны Рима ввести въ Польскомъ государствѣ церковную унію, т.е. соединеніе воедино восточной и западной церквей, стали постепенно осуществляться. Авторомъ церковной уніи былъ папа Климентъ VIII, разсчитателями же ея явились проникшіе въ Польшу въ 1564 году иезуиты. Поляки видѣли въ уніи средство къ уничтоженію православія и, конечно, способствовали ея распространенію. Чтобы скорѣе привлечь русское населеніе, въ особенности простой народъ, къ римской церкви, унія вводилась, какъ переходная ступень отъ православія къ католицизму, и съ этой цѣлью православнымъ дозволялось сохранить при воссоединеніи съ западной церковью свои обряды богослуженія.

Со стороны православнаго духовенства яримъ защитникомъ и покровителемъ уніи явился Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза. Въ

1595 году онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ было предложено обсудить вопросы о принятіи новыхъ догматовъ вѣры. За унію высказались епископы: Полоцкій—Гермогенъ, Пинскій—Леонтій Пельчицкій, Холмскій—Діонисій Збируйскій и Владиміро-Волынскій—Ипатій Поцѣй; противъ уніи:—Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ и Перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій. Такимъ образомъ перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ.

Въ декабрѣ того же года епископы Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій были уже въ Римѣ и подали папѣ письменное заявленіе о желаніи своемъ и своей паствы принять новые догматы вѣры и о признаніи надъ собой его главенства. По принятіи установленной присяги, они, обласканные Климентомъ VIII, вернулись на родину, но, по прибытіи въ Кіевъ, не встрѣтили сочувствія ни со стороны большинства православнаго духовенства, ни со стороны народа. Львовскій епископъ Гедеонъ открыто называлъ Поцѣя и Терлецкаго отступниками отъ вѣры отцовъ своихъ, а Кіевскій воевода, староста Волынскій Константинъ Острожскій обнародовалъ, что унія принята безъ его согласія и что онъ не признаетъ и опровергаетъ ее.

Въ слѣдующемъ 1596 году польскимъ правительствомъ былъ созванъ въ Брестѣ сеймъ для обсужденія вопроса о всеобщемъ введеніи уніи. 6 октября туда прибыли епископы—слѣдователи уніи и ея противники. Въ числѣ первыхъ, кромѣ Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго, были: экзархъ патріаршій и епископъ Полоцкій и Витебскій Гермогенъ, епископъ Пинскій и Туровскій Іоанъ Гоголь, епископъ Холмскій и Бѣльскій Деонисій, епископъ Черниговскій и Остерскій Иннокентій Борковскій, епископъ Волынскій и почаевскій Ераклій Шеверницкій и епископъ Галицкій Теокистъ; въ числѣ вторыхъ— епископъ Сѣверскій Іоанъ Леокайскій, епископъ Переяславскій Сильвестръ Яворскій, епископъ Подольскій Иннокентій Туптало и протоіерей Новгородскій Симеонъ Пашинскій.

9 октября большинство православныхъ посланниковъ, во главѣ съ перечисленнымъ высшимъ духовенствомъ, подали собранію письменное заявленіе, что они всѣми мѣрами старались отклонить Кіевскаго митрополита Михаила отъ нежелательныхъ нововведеній въ православную церковь, но такъ какъ Михаилъ отвергъ всѣ ихъ доводы и увѣщеванія, то они лишаютъ отступниковъ отъ православія всѣхъ ихъ достоинствъ и въ дальнѣйшемъ полагаютъ руководствоваться волею Константинопольскаго патріарха.

Ошеломленная этимъ заявленіемъ католическая партія пришла въ ярость, изгнала противниковъ уніи изъ собранія, отрѣзала епископамъ— „неунитамъ“ бороды, собралась въ храмъ св. Николая и, по прочтеніи вслухъ Полоцкимъ епископомъ Гермогеномъ подписанной „унитами“ грамоты, провозгласила соединеніе греческой церкви съ римской.

„Неуниты“ въ свой очередь подписали слѣдующій приговоръ: „Митрополита Михаила Рогозу со всѣми владыками, отступившими отъ православной греко-восточной вѣры, лишить сана и мірянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать, яко пастырей порочныхъ, лживыхъ пророковъ, слѣпыхъ вождей, упорствующихъ въ вѣрѣ христіанской, kwasомъ неправеднаго ученія напоенныхъ, противниковъ слова Божія и правиль Св. Отцевъ“.

Вскорѣ вѣсть о брестскихъ событіяхъ дошла до Косинскаго. Онъ немедленно послалъ представленія—одно къ королю и сенату, другое въ брестскій сеймъ.

Какъ королевскій намѣстникъ и гетманъ малороссійскій, онъ писалъ королю, что „перемѣна въ вѣрѣ и обычаяхъ народныхъ, въ Брестѣ вводимая безъ согласія народнаго духовенствомъ, есть дѣло весьма опасное и неудобоисполнимое. Согласовать умы человѣческіе и совѣсть ихъ есть дѣло не человѣческое, но Божіе. Удержать народъ въ слѣпомъ повиновеніи духовенству и правиламъ, своевольно въ церковь вводимымъ, нѣтъ возможности; и потому да отвратить правительство оное зло или пусть оно дастъ народу время на размышленіе“.

Содержаніе же представленія въ Брестскій сеймъ было слѣдующее:

„Собравшееся въ Брестѣ духовенство не имѣетъ ни отъ чиновъ, ни отъ народа никакого полномочія на нововведенія въ ихъ вѣру и обряды; итакъ, ни силы, ни власти нѣтъ у нихъ обременять народъ своевольными правилами и вымыслами. Духовенство сіе, бывъ избранно въ свои должности отъ чиновъ и народа и содержимо на счетъ націи, можетъ лишиться и званій и содержанія волею тѣхъ же чиновъ и того же народа. Онъ же, гетманъ, ни за что не ручается и совѣтуетъ собранію пріостановить свои постановленія до общаго размышленія и посужденія“. *)

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. 1, стр. 80—81.

Соглашаясь, якобы, съ гетманомъ, польское правительство пригласило его въ Брестъ на совѣщаніе.

Не подозрѣвая коварнаго умысла, Косинскій не замедлилъ прибыть туда; его тотчасъ же схватили и заключили подъ стражу. По состоявшемуся, затѣмъ, приговору католическаго и принявшаго унію греко-россійскаго духовенства онъ былъ объявленъ богоотступникомъ и приговоренъ къ смертной казни.

Несчастный гетманъ былъ живымъ замурованъ въ каменный столбъ въ мѣстномъ монастырѣ.

Узнавъ объ участи своего вождя, казаки собрались въ числѣ 7000 человекъ и двинулись выручать его. По пути къ Бресту они разбили на голову посланный имъ на встрѣчу польскій отрядъ, но прибывъ на мѣсто, уже не застали Косинскаго въ живыхъ.

Изъ-подъ Бреста одна часть казацкой дружины, подъ предводительствомъ полковника Лободы, ушла на югъ въ приднѣпровскія степи, а другая разсѣялась по Малороссіи, передавая изъ конца въ конецъ о томъ, что произошло въ Брестѣ.

Смерть Косинскаго и насильственное введеніе польско-шляхетскимъ правительствомъ уніи, сопровождавшееся неслыханными жестокостями и безчеловѣчнымъ глумленіемъ надъ православною вѣрой, были причиною новыхъ народныхъ волненій.

Польскія войска наводнили Волынъ и всю Украйну. По городамъ и мѣстечкамъ были разставлены гарнизоны. Въ то же время отпавшимъ отъ православія высшимъ духовенствомъ было обнаружено слѣдующее окружное посланіе.

„Ревнующіе о правотѣрии мы, отцы церкви русскія, изволеніемъ Св. Духа въ Брестѣ собравшіеся, судя и разсудя смутное состояніе нынѣ іераршества греческаго, съ нами единовѣрнаго, и на трудное наше въ требахъ церковныхъ съ онымъ сношеніе, препинаемое дальностью и злыми навѣтами варваровъ, ту водворившихся, якоже извѣстно цѣлому свѣту, какъ всѣ греческіе и іерусалимскіе патріархи, народы и церкви подпали съ давнихъ лѣтъ подъ иго невѣрныхъ басурманъ-турокъ, и отъ нихъ вводятся въ невольный тотъ народъ агарянскіе

обычай, христіанству противные, да и самое богослуженіе и обряды христіанскіе насилуются отъ тѣхъ проклятыхъ иноплеменниковъ частыми прещеніями и озлобленіями, отчего неслышно уже у нихъ трезвоновъ, воззывающихъ христіанъ на молитву, не совершаются торжественныя шествія, украшающія обряды и служеніе христіанства. А московское христіанство, бывши намъ тожъ единовѣрными, заразилось съ давнихъ лѣтъ расколомъ стригольщины, отъ жидовъ происшедшимъ и ересью, недавно внесенною отъ армянскаго монаха Мартина, въ Константинополь осужденнаго и въ Кіевѣ всенародно сожженнаго; а посему не долѣетъ намъ, православнымъ сущимъ, и общенія съ таковыми косными народами имѣти. Итакъ, изволеніемъ Святаго Духа и нашимъ, Святыхъ отцевъ, послѣдуя многимъ нашей религіи христіанамъ италянскимъ, венеціанскимъ, иллирическимъ и греческимъ соединиться по прежнему съ церковью римскою католическою, съ которою наша религія и была черезъ многія вѣки въ совершенномъ единеніи и согласіи, но отторгнута навѣтомъ строптиваго константинопольскаго патріарха Фотія безъ слушныхъ причинъ, але по его тщеславію и за то видимы суть кары Божіи на греки и на ихъ церкви, черезъ то воззываемъ васъ, всѣхъ отцевъ церкви русской, возлюбленную братію о Христѣ и васъ, чада духовныя, православныхъ мірянъ, соединиться къ нашему единомыслію и приложиться къ церкви прежней нашей Вселенской Римской, идѣже всѣ Апостолы, главнѣйшій изъ нихъ Петръ Святой, животь свой за нее положили. А преемникъ его, святѣйшій Папа, нынѣ со славою владычествуетъ, егоже чтутъ вси царіе и владыки и всѣ единодушно ему раболѣпствуютъ. И его святѣйшее благословеніе и на васъ, православные христіане, буди и буди“.

Обнародованіе этого посланія по всѣмъ приходамъ сопровождалось печатнымъ воззваніемъ правительства, убѣждавшимъ народъ къ повиновенію властямъ, вводившимъ унію, якобы, по волѣ Божіей и для спасенія душъ.

Противившееся нововведенію православное духовенство предавалось анаѣмѣ. Прежніе антимины и требники были замѣнены другими; придумывались новые обряды богослуженія съ прославленіемъ папы; польскія войска входили съ оружіемъ въ церкви во время богослуженія, заставляли молящихся преклонять колѣни, бить себя въ грудь и при чтеніи Сумвола вѣры произносить извѣстное рѣченіе о Святомъ Духѣ.

XII.

Старый казачій городъ Черкассы былъ занятъ польскими войсками. Казаки собрались въ Чигиринѣ и, опираясь на договорныя грамоты и привиллеги, избрали въ гетманы изъ генеральныхъ старшинъ Павла Наливайко. Онъ былъ родомъ волынецъ, изъ города Острога, гдѣ учился въ школѣ князя Константина Острожскаго.

Въ Острогѣ жила семья его, а старшій братъ, Даміанъ Наливайко, былъ придворнымъ священникомъ у князя Константина Константиновича Острожскаго и пользовался большимъ уваженіемъ, какъ ученый и ревностный защитникъ православія.*) Когда отецъ его умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ владѣльцемъ мѣстечка Гусятина, Калиновскимъ, отнявшимъ у него земельный участокъ, Павелъ Наливайко, возмущенный панскимъ произволомъ, ушелъ къ Запорожцамъ и впоследствии былъ избранъ реэстровыми казаками въ генеральные есаулы.

Новымъ гетманомъ было составлено представленіе къ королю, въ которомъ онъ, отъ имени малороссійскаго войска, излагалъ слѣдующее:

„Народъ русскій, соединенный прежде съ княжествомъ Литовскимъ, а потомъ съ королевствомъ Польскимъ, не былъ никогда ими завоеванъ и не рабствовалъ, но, какъ союзный и единоплеменный, отъ одинаго корня славянскаго или сарматскаго происшедшій, добровольно соединился на одинакихъ и равныхъ съ нимъ правахъ и преимуществахъ, договорами и пактами торжественно утвержденныхъ, а протекціи и храненіе тѣхъ договоровъ и пактовъ и самое состояніе народа ввѣрены вамъ, помазанникамъ Божиимъ, свѣтлѣйшимъ королямъ Польскимъ, якоже и вашему королевскому величеству, клявшимися въ томъ при коронаціи предъ самимъ Богомъ, держащимъ въ десницѣ вселенную и ея царей и царства. Сей народъ въ нуждахъ и пособіяхъ общихъ соединенной націи ознаменовалъ себя всемѣрною помощью и единомысліемъ союзнымъ и братскимъ, а воинство русское прославило Польшу и удивило вселенную мужественными подвигами въ браняхъ, въ оборонѣ и расширеніи державы Польской; и кто устоялъ

*) Въ знаменитой Острожской типографіи, основанной княземъ К. К. Острожскимъ, было напечатано въ 1607 году извѣстное сочиненіе Даміана Наливайко въ духѣ православія, подъ заглавіемъ: „Лекарство на опасный умыселъ человѣческій“.

изъ сосѣдствующихъ державъ противу ратниковъ русскихъ и ихъ ополченія. Загляни, найяснѣйшій король, въ хроники отечественныя, и онъ досвѣдчуетъ тое; вопросы старцевъ своихъ, и рекутъ тебѣ, колико потоковъ пролито крови ратниковъ русскихъ и коликія тысячи и тмы воиновъ русскихъ пали подъ остріемъ меча на ратныхъ поляхъ за интересы ея. Но врагъ, ненавидяй добра, отъ ада испешшій, возмутилъ священную оную народовъ еднoсть на погибель обоюдную. Вельможи польскіе, сіи магнаты правленія, завиствуя маеткамъ нашимъ, пѣтомъ и кровію стяжаннымъ и наущаемы духовенствомъ, завше мѣшающимся въ дѣла мірскія, до нихъ ненадежныя, подвели найяснѣйшаго короля, нашего пана и отца милостиваго, лишити насъ выбора гетмана на мѣсто покойнаго Косинскаго, недавно истраченнаго самимъ неправеднымъ, постыднымъ и варварскимъ образомъ, а народъ смутили начальнымъ обращеніемъ его въ унію. При таковыхъ чинимыхъ намъ отъ магнатства утискахъ и фрасункахъ не поступили, еднaкъ, мы ни на что законопреступное и враждебное, а избравши себѣ гетмана по правамъ и привилегіямъ нашимъ, повергаемъ его и самихъ себя милостивѣйшему покрову и просимъ найуниженнѣйше монаршаго респекту и подтвержденія правъ нашихъ и выбора, а мы завше готовы есмы проливать кровь нашу за честь и славу вашего величества и всей націи“.

Депутаты отъ малороссійскаго войска, во главѣ съ полковникомъ Лободою, представили эту грамоту Сигизмунду III. Тотъ, прочтя ее, высказалъ удивленіе по поводу своеволія магнатовъ, обѣщаль Лободѣ на первомъ сеймѣ урегулировать права малороссійскаго народа и отпустилъ депутацію съ повелѣніемъ новоизбранному гетману и казакамъ вести себя по отношенію къ польскимъ войскамъ мирно и дружелюбно.

Депутація вернулась въ Чигиринъ.

Объявляя универсаломъ по всѣмъ повѣтамъ о своемъ избраніи и принятіи, по королевскому соизволенію, булавы, гетманъ наказываль народу и войску не предпринимать ничего враждебнаго противъ расположенныхъ по городамъ и мѣстечкамъ польскихъ войскъ, пока не придетъ распоряженіе о ихъ выводѣ. Касательно уніи онъ совѣтоваль поступать каждому изъ православныхъ такъ, какъ велитъ ему совѣсть. Одновременно съ обнародованіемъ этого универсала, Наливайко извѣщаль о своемъ избраніи также и короннаго гетмана.

Но поляки не пошли на встрѣчу добрымъ намѣреніямъ новоизбраннаго малороссійскаго гетмана, желавшаго водворить миръ и согласіе между двумя братскими народами. Имъ хотѣлось полнаго господства.

Омраченная высокоуміемъ и алчностью, польская партія не признавала правъ малорусскаго народа на національную самобытность, называла этотъ народъ „быдломъ“, т. е. скотомъ и хотѣла властвовать надъ нимъ безгранично.

Вскорѣ польскія войска стали творить неслыханныя насилія надъ малорусскимъ народомъ; православная вѣра была поругана; на Волыни и Подоліи лучшіе монастыри были обращены въ католическіе кляшторы; православныя церкви опечатаны; священники, нежелавшіе принять уніи, подвергались жесточайшимъ истязаніямъ и изгонялись изъ своихъ приходоу. Народъ, лишенный церковей, собирался на молитвы въ шалашахъ, построенныхъ на выгонахъ, но и оттуда его изгоняли польскіе жолнеры.

Къ гетману приходили жалобы на всѣ эти творимыя поляками безчинства. Ропотъ и волненія народныя, въ особенности въ Волыни, усиливались. Наконецъ было получено извѣстіе, что въ Черкассахъ и Бѣлой Церквѣ собираются значительныя силы польскихъ войскъ.

Видя враждебныя замыслы поляковъ, Наливайко стянулъ и свое войско къ Чигирину, но, не желая первымъ начинать открытой войны, расположился лагеремъ подъ Тясьминоу, укрѣпилъ его окопами и артиллеріей и сталъ ждать нападенія со стороны поляковъ. Тѣ не замедлили появиться подъ предводительствомъ гетмана Жолкевскаго.

Наливайко выставилъ на высокоу мѣстѣ три бѣлыя хоругви съ вышитыми на нихъ надписями: „Миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и его Крестъ Святой.“

Поляки насупротивъ этихъ знаменъ поставили три висѣлицы съ повѣшенными на нихъ малороссійскими старшинами: Богуномъ, Войтовичемъ и Сутыгоу, а надъ ними прибили доски съ надписями: „Кара бунтовцамъ“.

Вскорѣ Жолкевскій повелъ свои войска на приступъ и открылъ сильную кононаду. Густыя тучи дыма отъ пушечной и ружейной

пальбы легли непроницаемой пеленой между польскими войсками и расположеніемъ его противника. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Наливайко; онъ вывелъ изъ засады отборную часть казаковъ и врѣзался въ самую середину польской арміи. Въ то же время изъ укрѣпленнаго лагеря двинулась остальная часть казацкихъ войскъ и обошла поляковъ съ фланговъ. Между поляками произошло смятеніе; они смѣшались. Началось страшное пораженіе ихъ. Казаки бились съ неописуемымъ ожесточеніемъ. Ни мольбы о пощадѣ, ни стонъ умирающихъ не вызывали въ ихъ разсвирѣпѣвшихъ сердцахъ жалости. Они сражались вокругъ трехъ висѣлицъ, на которыхъ висѣли бездыханныя тѣла погибшихъ товарищей, и эти жертвы польскаго тиранства возбуждали въ нихъ ненасытную жажду возмездія,—страшнаго, беспощаднаго возмездія за звѣрства ихъ поработителей, за глумленіе надъ вѣрой православной, за угнетеніе невиннаго народа, за стонъ и слезы обезчещенныхъ женъ, сестеръ и матерей. Многіе изъ поляковъ искали спасенія въ рѣкѣ, но казаки вытаскивали ихъ оттуда и добивали. Спаслись только тѣ, у которыхъ были лучшіе кони.

По словамъ лѣтописцевъ-современниковъ, на мѣстѣ знаменитаго сраженія подъ Тясьниномъ поляковъ легло 17330 человекъ. Трупы ихъ были стащены казаками къ тремъ висѣлицамъ, сложены въ огромную груду и присыпаны землей. Повѣшенныя же тѣла своихъ товарищей казаки сняли и похоронили въ Чигиринскомъ Преображенскомъ соборѣ. Высѣченная, по повелѣнію гетмана, надпись на надгробныхъ плитахъ гласила о мученической смерти погребенныхъ рыцарей, за вѣру и родину жизнь свою отдавшихъ.

Собравъ свое войско, гетманъ Наливайко раздѣлилъ его на два отряда; одному,—подъ начальствомъ Лободы, онъ приказалъ отправиться въ приднѣпровскіе города и изгнать оттуда поляковъ и униатское духовенство, а съ другимъ отрядомъ двинулся самъ для той же цѣли въ Подолію и на свою родину—Волынь. Разгоняя и уничтожая мелкіе отряды польскихъ войскъ, онъ въ три мѣсяца прошелъ отъ Могилева на Днѣстрѣ до Слуцка. Затѣмъ, взявъ Пинскъ, Рѣчицу и изъ Бѣлоруссіи перешелъ опять на Волынь, гдѣ соединился съ Лободою. Вызванная королею изъ Молдавіи и стоявшая у города Кременца многочисленная польская армія перешла къ Умани, а затѣмъ переправилась черезъ Днѣпръ и расположилась въ семи верстахъ отъ города Лубенъ, въ урочищѣ Солонцѣ. Казаки двинулись по ея слѣдамъ и когда подошли къ Солонцу, лагерь польской арміи былъ уже укрѣп-

лень окопами и палисадами. Во главѣ ея находились гетманы; коронный—Потоцкій и польный—Жолкевскій. Казаки начали приступъ; четыре дня онъ продолжался безъ серьезныхъ результатовъ, но когда на пятый день передовыя польскія укрѣпленія были взяты, къ казакамъ явился изъ непріятельскаго стана гонецъ и объявилъ, что король повелѣваетъ прекратить войну и всѣмъ тремъ гетманамъ сообща составить трактатъ о вѣчномъ мирѣ и утвержденіи за Малороссіею правъ, подписать этотъ трактатъ въ лицѣ обоихъ войскъ—малороссійскаго и польскаго—и подкрѣпить присягою. Самъ же король и сенатъ, даруя, якобы, войску и народу малороссійскому всепрощеніе и забывая происшедшія смуты, подтверждаетъ на вѣчныя времена всѣ пакты и привилегіи, данныя Малороссіи его предшественниками.

Повелѣніе короля было исполнено; война окончилась и войска, какъ польскія, такъ и малороссійскія, разошлись.

По прибытіи въ Чигиринъ, гетманъ занялся обновленіемъ разрушенныхъ войною городовъ и возстановленіемъ въ нихъ порядка. Оставшіеся вѣрными православію духовенство и прихожане стали отдыхать отъ недавнихъ насилій и гоненія. Отяготительные платежи за сорокосты, субботники и вѣнчаніе были отмѣнены, многіе изъ священниковъ-уніатовъ обратились опять въ православіе, волненія народныя улеглись, и въ благодатномъ малороссійскомъ краѣ потекла тихая и мирная жизнь.

Такъ прошло около года. Настало время отправленія на главный сеймъ въ Варшаву делегацій. По существовавшему въ прежнее время порядку, Малороссія посылала пятнадцать депутатовъ,—а именно: четырехъ отъ воеводствъ (волынскаго, кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго), трехъ отъ войска и уряда гетманскаго и пятерыхъ отъ городовъ и посполства.

Слѣдуя этимъ правиламъ, были произведены выборы, на которыхъ депутатами собственно отъ войска были избраны: полковникъ Лобода, войсковою судья Ѳедоръ Мазепа и кіевскій сотникъ Яковъ Кизимъ. Съ ними пожелалъ отправиться въ Варшаву и гетманъ, чтобы лично засвидѣтельствовать королю свою покорность и поблагодарить за утвержденіе правъ и привилегій малороссійскаго народа. Но и депутатовъ и гетмана ждало въ „гостепріимной“ столицѣ польскаго государства неслыханное, по своему варварству, злодѣяніе.

Какъ только они прибыли въ Варшаву, ихъ въ первую же ночь схватили, заключили въ подземелье и подвергли самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Двое сутокъ продолжалась мучительная пытка, а на утро третьяго дня всѣ три депутата и гетманъ были выведены на площадь, посажены въ мѣднаго быка и на глазахъ многотысячной толпы народа сожжены медленнымъ огнемъ. Стоны и вопли несчастныхъ страдалцевъ были слышны нѣсколько часовъ.

Король оказался безсильнымъ обуздать кровожадныхъ магнатовъ; католическое духовенство было за одно съ ними, и на состоявшемся національномъ сеймѣ былъ постановленъ приговоръ, по которому весь русскій народъ былъ провозглашенъ вѣроломнымъ, бунтующимъ и осужденъ на рабство, лишеніе имущественныхъ правъ и всяческое гоненіе.

По словамъ малорусской лѣтописи, „слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейма народнаго, всего рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отобраніе староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо хлопами; народъ, отвергшій унію,—схизматиками; во всѣ правительственные уряды малороссійскіе посланы поляки съ многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, селенія—ихъ же войсками; имъ дана власть все тое дѣлать народу русскому, что сами схотятъ и придумаютъ, а они исполняли наказъ сей съ лихвою. И что только смыслить можетъ самовольное, надменное и пьяное челоуѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ русскимъ безъ угрызенія совѣсти. Грабительство, насилуваніе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, непочитая и называя народъ невольниками или ясиромъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ; собиравшихъ же вмѣстѣ нѣсколько челоуѣкъ для обыкновенныхъ хозяйственныхъ работъ или празднества тотчасъ съ боями разгоняли и о разговорахъ ихъ пытками истязали, запрещая всегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви русскія силою или гвалтомъ всегда обращали на унію. Духовенство римское, развѣзжавши съ триумфомъ по Малороссіи для подсмотру и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двадцати челоуѣкъ и болѣе въ цугъ; на прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самыя краснѣйшія изъ дѣвиць русскихъ. Церкви несогласившихся на унію прихожанъ отданы

жидамъ въ аренду, и положена въ оныхъ за всякую отправу денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и за похороны мертвыхъ—отъ одного до пяти золотыхъ; жида, яко неприимимые враги христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притчи въ челоуѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такъ надежное для нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи церковные отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской итти къ жида, торжиться съ нимъ и, по важности отправки, заплатить за нее и выпросить ключи; а жидъ, при томъ насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ, или гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено“.

Невыносимыя угнетенія заставляли нѣкоторыхъ малодушныхъ, во имя собственнаго благополучія и для сохраненія за собою родовыхъ и прибрѣтенныхъ имѣній, отречься отъ вѣры православной, переходить въ унію или католичество и цѣною измѣнничества покупать у поляковъ ихъ расположеніе. Эти отступники роднились съ польской шляхтой, перемѣняли свои фамиліи и становились ихъ единомышленниками.

Одною изъ главнѣйшихъ задачъ польско-шляхетскаго правительства было ослабить малороссійское казачество, лишить его самостоятельнаго выборнаго управленія и подчинить главнокомандующему польскихъ войскъ.

Разрозненнымъ полкамъ реестровыхъ казаковъ было приказано соорганизоваться подъ знаменами короннаго гетмана. Нежелавшіе подчиниться этому приказанію были лишены всякаго содержанія отъ малороссійскаго скарба и куреней.

Мѣра эта, однако, не имѣла успѣха. Большая часть реестровыхъ и охочекомонныхъ казаковъ ушла на Запорожье и вмѣстѣ съ Запорожцами избрала въ 1598 году въ малороссійскіе гетманы знаменитаго Конашевича-Сагайдачнаго.

XIII.

Петръ Конашевичъ-Сагайдачный былъ родомъ изъ Самбора въ Червонной Руси, но выросъ и воспитался на Волыни, гдѣ такъ же, какъ и Наливайко, окончилъ Острожскую школу высшихъ наукъ, осно-

ванную княземъ Константиномъ Острожскимъ. Школа эта, ректоромъ которой былъ въ то время извѣстный ревнитель православія, ученый грекъ Кирилль Лукарисъ, въ послѣдствіи патріархъ Константинопольскій, дала будущему гетману Малороссіи весьма обширное образованіе и воспитала въ немъ ту приверженность къ вѣрѣ православной, какою онъ отличался до послѣднихъ дней своей славной гражданскими и военными подвигами жизни.

Во время избранія его въ гетманы онъ занималъ почетное званіе генеральнаго обознаго. Принявъ булаву, новый вождь малороссійскаго казачества объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и всего войска запорожскаго и такимъ образомъ объединилъ Запорожье и Гетманщину въ одно цѣлое. До него запорожскіе казаки не участвовали въ избраніи гетмана. Скрывавшіеся за „порогами“ на неприступныхъ днѣпровскихъ островахъ, отдаленные отъ своей родины „дикимъ полемъ“—этой безлюдной степью, на сотни верстъ лишенной человѣческаго жилья, занятые безпрестанной борьбой съ татарами, запорожцы были чужды внутренней жизни селъ и городовъ Малороссіи. Теперь, съ избраніемъ въ гетманы генеральнаго обознаго Петра Сагайдачнаго, человѣка просвѣщеннаго, преданнаго малорусской народности и православію, они становились подъ одно общее съ малороссійскими казаками знамя борьбы за вѣру, права и свободу народа. Первое время гетманства Сагайдачнаго было ознаменовано его смѣлыми походами на исконныхъ враговъ христіанства—татаръ и турокъ.

Въ морскомъ походѣ 1605 года онъ взялъ турецкую крѣпость Варну, а въ слѣдующемъ году, когда крымскіе татары готовились предпринять набѣгъ на южно-русскія области, Сагайдачный предупредилъ ихъ и, ворвавшись съ запорожцами въ ордынскія владѣнія, разгромилъ Очаковъ и Перекопъ.

Жалобы турецкаго султана на запорожцевъ послужили поводомъ предпріятія со стороны польскаго правительства новыхъ мѣръ къ искорененію казачества. Въ числѣ этихъ мѣръ было издано сеймомъ постановленіе, запрещавшее набирать казаковъ въ коронную службу.

Между тѣмъ, крымскіе татары опять напали на приграничныя селенія Малороссіи и угнали на полуостровъ огромное число плѣнниковъ. Узнавъ объ этомъ, Сагайдачный собралъ пѣшихъ запорожцевъ и снарядилъ новую морскую экспедицію на Крымъ. Запорожскія чайки, подъ предводительствомъ гетмана, вышли въ Черное море и раздѣли-

лись на двѣ половины; одна изъ нихъ поплыла къ Каффѣ, а другая, подъ командой гетмана, высадилась на берегъ и, обойдя горы, подошла къ этому городу съ противоположной стороны. Одновременнымъ штурмомъ съ суши и съ моря, гдѣ запорожцы сожгли въ запертой ими гавани турецкій флотъ, Каффа была взята, все татарское населеніе ея вырѣзано, а плѣнники освобождены.

Отъ Каффы Сагайдачный двинулся къ Козлову, сжегъ его предместье и сталъ громить крѣпость, но вышедшіе на встрѣчу ему жители просили пощады и привели всѣхъ находившихся въ неволѣ христіанъ.

Съ множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ, съ большой добычей и богатыми дарами отъ Козлова, вернулся гетманъ въ Малороссію.

Чтобы ослабить малороссійское войско, поляки задумали вселить вражду между казаками, перешедшими въ ряды арміи короннаго гетмана съ одной стороны и объединившимися подъ булавою выборнаго гетмана Сагайдачнаго—съ другой. По настоянію польскаго правительства, реэстровыми казаками, вошедшими въ составъ польской арміи, былъ избранъ гетманомъ Демьянъ Кушка, но въ походъ въ Бессарабію онъ подъ Аккерманомъ былъ окруженъ турками и татарами, взятъ въ плѣнъ и убитъ. На его мѣсто былъ избранъ реэстровыми казаками польскаго лагеря войсковою старшина Бородавка. Тотъ дѣйствительно занялся происками къ отложенію Малороссіи отъ гетмана Сагайдачнаго, но былъ пойманъ имъ, преданъ войсковому суду и, по приговору послѣдняго, какъ самозванецъ и возмутитель народа, разстрѣлянъ.

Планъ создать междоусобіе и смуту среди казачества не удался, а, между тѣмъ, могущество и значеніе Сагайдачнаго росло, и имя его становилось грознымъ не только для враговъ христіанства, но и для враговъ православія и малорусской народности.

Новымъ закономъ, въ основѣ котораго лежала цѣль искорененія казаковъ, было предоставлено коронному гетману поступать съ ними, какъ явными врагами государства. Какъ бы въ отвѣтъ на это, послѣдовалъ торжественный въѣздъ гетмана Сагайдачнаго въ столицу гетманщины—Чигиринъ, а затѣмъ новые походы на татаръ и турокъ, увѣнчавшіеся такими же, какъ и раньше, блестящими успѣхами.

Въ 1616 году Запорожцы, подъ предводительствомъ своего неустрашимаго гетмана, опустошили берега Чернаго моря, истребили турецкую флотилію изъ шести галеръ и двадцати легкихъ судовъ, сожгли Трапезундъ и Синопъ и навели ужасъ на весь мусульманскій міръ Малой Азіи.

Подвиги Сагайдачнаго, его необыкновенная храбрость и высокій умъ заставили, наконецъ, поляковъ призадуматься. Политика ихъ по отношенію къ казакамъ рѣзко измѣнилась, и когда восьмидесяти-тысячная турецкая армія, подъ предводительствомъ Скиндеръ-Паши, появилась на границахъ Польши, Сагайдачный получилъ повелѣніе короля соединиться съ коронными войсками и общими силами отразить турокъ. Такимъ образомъ, польское правительство признавало уже въ немъ гетмана.

Сагайдачный тотчасъ же выступилъ въ походъ и встрѣтилъ турокъ въ Буковинѣ, надъ Днѣстромъ. Удачно расположивъ свои главные силы на двухъ противоположныхъ одна другой возвышенностяхъ, гетманъ искуснымъ маневромъ завлекъ турокъ между этихъ возвышенностей и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, разбилъ на голову. Вся турецкая артиллерія и обозъ достались побѣдителямъ. На полѣ сраженія турки оставили одними убитыми 9715 человекъ. Въ плѣнъ было взято болѣе тысячи, въ томъ числѣ семь пашей и семнадцать мурзъ. Плѣнники и вся добыча были отправлены въ Каменецъ-Подольскъ, и соединенныя польскія и малороссійскія войска двинулись дальше по пятамъ отступавшихъ турокъ. У Галаца была расположена главная турецкая армія, подъ командой силистрійскаго сираскиръ-паши Тапаль-Ислама. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ турки были окончательно разбиты.

Изъ-подъ Галаца Сагайдачный двинулся во главѣ соединенныхъ войскъ въ Бессарабію, но по дорогѣ прибылъ къ нему гонецъ изъ Варшавы; онъ привезъ гетману повелѣніе короля вернуться въ свои предѣлы, такъ какъ съ Турціей Польша заключила перемиріе.

Подходя къ границѣ, гетманъ отпустилъ польскія войска, а самъ съ казаками отправился въ Малороссію. У переправы черезъ Южный Бугъ его встрѣтилъ другой гонецъ съ извѣщеніемъ кошевого атамана запорожскаго войска Дурдылы, что крымскіе татары, пользуясь его, гетмана, отсутствіемъ, прошли многочисленными таборами за рѣку Самару на грабежъ восточной Малороссіи,

Отпустивъ пѣхотные полки, Сагайдачный съ конницей направился ускореннымъ маршемъ къ Днѣпру, переправился на лѣвый берегъ и, расположившись на лугахъ близъ Конскихъ Водъ, сталъ ожидать татаръ на обратномъ пути ихъ въ Крымъ съ награбленной добычей и плѣнными.

Спустя нѣсколько дней, казацкіе разъѣзды донесли гетману, что татары съ огромнымъ числомъ плѣнниковъ идутъ по направленію къ рѣкѣ Самарѣ, намѣреваясь переправиться на противоположный берегъ и что у этой рѣки они расположатся на ночлегъ.

Въ первую же ночь Сагайдачный выступилъ со своимъ войскомъ по тому же направленію и на разсвѣтъ настигъ татарскій таборъ, расположившійся по теченію рѣки.

Казаки подошли на очень близкое разстояніе и залпомъ изъ ружей и пушекъ произвели среди сонныхъ татаръ, неожиданныхъ ни откуда нападенія, страшный переполохъ и замѣшательство. Испуганные кони татарскихъ всадниковъ разбѣжались. Сами татары, обезумѣвъ отъ ужаса, метались во всѣ стороны, не зная, что предпринять. плѣнники ихъ, увидя неожиданную помощь, кинулись развязывать другъ друга и, овладѣвъ уставленнымъ на ночь оружіемъ своихъ враговъ, стали безпощадно ихъ избивать. Въ то же время казаки, врѣзавшись въ самую середину табора, кололи и рубили обезумѣвшую орду съ такимъ ожесточеніемъ, что ни одинъ татаринъ живымъ не остался.

Весь таборъ со всѣмъ, что только было въ немъ, достался побѣдителямъ. Нѣсколько тысячъ христіанскихъ плѣнниковъ были не только освобождены, но гетманъ надѣлил ихъ имуществомъ перебитыхъ татаръ и лошадьми послѣднихъ.

Въ 1618—1619 годахъ поляками былъ предпринятъ походъ на Москву, окончившійся неудачей. Въ слѣдующемъ году такая же неудача постигла поляковъ въ войнѣ съ турками. Въ битвѣ при мѣстечкѣ Цецорѣ, надъ Прутомъ, погибъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій. Вслѣдъ за этой неудачной войной, на Польшу надвигалась новая гроза. Самый воинственный и сильный тогда турецкій султанъ Османъ II, при которомъ Турція достигла огромнаго могущества, стянулъ къ границѣ Рѣчи Посполитой многочисленныя войска, готовясь нанести ей рѣшительный ударъ. Для отраженія турокъ Польша со-

брала всѣ свои силы, но главная надежда возлагалась на малороссійскій народъ, въ лицѣ непобѣдимыхъ казаковъ, а между тѣмъ, ни послѣднія неудачи, ни грозный призракъ новой войны съ могущественнымъ султаномъ не образумили поляковъ: насильственное введеніе уніи продолжалось съ прежнимъ фанатизмомъ; глумленіе надъ вѣрой православной и угнетеніе малорусскаго народа не ослабѣвали, и когда на сеймѣ, открывшемся 20 октября 1620 года, обсуждалась предстоящая война,—посолъ волынскаго воеводства, чашникъ Лаврентій Древинскій, открыто высказалъ полякамъ ихъ коварство по отношенію къ малорусской народности. Въ рѣчи своей, обращенной къ королю, онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

„Въ такомъ нашемъ противу главнаго врага святаго креста предпріятіи смѣло могу сказать, что ваше королевское величество едва ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-россійскаго исповѣданія—того народа, который, если еще неудовлетворенъ пребудетъ въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ защиту вашей державы преградою грудь свою представлять? Какъ можетъ усиліе свое употребить къ доставленію вѣчнаго мира, внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ какою искренностью, мужествомъ, ревностію начнетъ угашать своею кровію горящія стѣны своего отечества, внутренняго пламени пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемаго не видя? Кто жъ, о Боже живой! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ, въ разсужденіи благочестія своего, претерпѣваетъ.... Итакъ, милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея всеуниженнѣйше прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей. . . Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе толь тяжкихъ ранъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: суди ми, Боже, и разсуди прю мою“.

Гетманъ Сагайдачный, при содѣйствіи котораго въ томъ же 1620 году въ западно-русской церкви была восстановлена іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ высшая іерархія, въ назначеніемъ преосвященнаго Іова Борецкаго Кіевскимъ митрополитомъ, поддержалъ рѣчь Древинскаго и прямо заявилъ полякамъ, что казаки только въ томъ случаѣ примутъ участіе въ турецкой войнѣ, если польское правительство признаетъ новопоставленную православную іерархію и прекратитъ гоненія на западно-русскій народъ. Король далъ на это согласіе, и въ 1621 году 30000 казаковъ съ 28 пушками, соединясь съ поль-

ской арміей, подъ начальствомъ Ходкевича, численностью въ 34000, двинулись на встрѣчу туркамъ.

Подъ Хотиномъ обѣ арміи окопались и расположились двумя отдѣльными станами—польскимъ и казацкимъ.

Вскорѣ появилось турецкое войско, состоявшее изъ 400000 человекъ, въ томъ числѣ 100000 татаръ. Главныя силы непріятели обрушились на казацкій станъ. Послѣ ожесточенной битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, турки начали отступать. Тогда казаки вышли изъ окоповъ и ударили въ тылъ непріятеля. Ряды турокъ дрогнули. Безстрашный Сагайдачный ворвался въ средину ихъ стана и наносилъ имъ страшное пораженіе. Весь турецкій обозъ, со всею артиллеріей и запасами, неминуемо достался бы побѣдителямъ, если бы Ходкевичъ выслалъ подкрѣпленіе казакамъ, но онъ, по какимъ то соображеніямъ, этого не сдѣлалъ. Казаки сочли это за обиду и стали роптать; недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ усиливалъ ихъ неудовольствіе. Гетманъ извѣстилъ польскихъ военачальниковъ о близкомъ возмущеніи. Въ станъ Сагайдачнаго явились депутаты отъ польской арміи. Извиняясь передъ гетманомъ и казацкими старшинами за оплошность, они сваливали всю вину на Ходкевича, который послѣ сраженія умеръ въ Хотинѣ. Наконецъ, именемъ находившагося въ польскомъ станѣ королевича Владислава, котораго казаки любили, и убѣжденіями самого гетмана и старшинъ недовольные были приведены къ послушанію и остались въ лагерѣ.

Хотинской побѣдой надъ турками закончилась дѣятельность Сагайдачнаго на военномъ поприщѣ. Долгіе годы гетманства и тяжелые труды, понесенные въ непрерывныхъ войнахъ, утомили непобѣдимаго вождя запорожскихъ казаковъ. Сдавъ начальство надъ своимъ войскомъ наказанному гетману Петру Жицкому, Сагайдачный занялся внутренними дѣлами гетманщины.

Вся послѣдующая дѣятельность этого необыкновеннаго человекъ была посвящена водворенію порядка и благоустройства въ Малороссіи. Противодѣйствуя ненавистной народу уни, онъ, силою своего замѣчательнаго ума и непреклонной воли, возвратилъ православію отнятыя поляками церкви, въ томъ числѣ особенно чтимую казаками святыню Кіево-братскій монастырь, который обновилъ и обогатилъ щедрыми вкладами; возобновилъ также братскую школу, пожертвовалъ ей все свое состояніе. Его же заботами была восстановлена Кириловская муж-

ская обитель, построенная еще въ XII вѣкѣ дочерью Всеволода I Ярославича, Марією и разоренная Батыемъ.

Между прочимъ, въ гетманство Сагайдачнаго евреямъ было воспрещено жить въ Кіевѣ, а пріѣзжимъ по дѣламъ и на ярмарки разрешалось останавливаться не болѣе какъ на одну недѣлю, исключительно на гостинномъ дворѣ.

Умеръ Сагайдачный въ 1622 году, постригшись передъ смертью въ монахи. Тѣло его погребено въ Кіево-братскомъ монастырѣ.

XIV.

Въ гетманство Петра Конашевича-Сагайдачнаго, а именно: 21 Марта 1608 года, умеръ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ при польскомъ дворѣ западно-русскихъ вельможъ, выдающійся поборникъ православія, староста волынской, воевода кіевскій, князь Константинъ-Василій Константиновичъ Острожскій, сынъ великаго гетмана литовскаго, Константина Ивановича Острожскаго. Владѣнія его простирались, почти, по всей Волынской землѣ, гдѣ ему принадлежало 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній. Знаменитое училище въ Острогѣ было основано имъ въ 70 годахъ XVI столѣтія. Это была первая на Руси греко-славянская школа, и по кругу преподававшихся въ ней наукъ она не уступала возникшей впоследствии кіевской Коллегіи Петра Могилы. При острожскомъ училищѣ была открыта и типографія. Изъ числа изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи, наиболѣе извѣстна славянская библія, напечатанная въ 1581 году по рукописи, присланной князю царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и исправленной по греческому переводу. Училище Острожское и типографія помѣщались при Троицкомъ монастырѣ, и на содержаніе ихъ князь отдалъ богатое имѣніе Суражъ съ селомъ Андрушевкой.

Кромѣ Острожскаго училища, носившаго названіе академіи, княземъ К. К. Острожскимъ, были открыты школы при монастыряхъ Дерманскомъ Свято-Троицкомъ и Дубенскомъ Спасскомъ. Дерманскій монастырь-школа имѣлъ тоже свою типографію, оборудованную братомъ гетмана Наливайко, придворнымъ духовникомъ князя, Даміаномъ Наливайко. Здѣсь, между прочимъ, были напечатаны: „Диалогъ о православной вѣрѣ“ и „Листъ къ увіатскому митрополиту Ипатію Поцѣю“, написанные патриархомъ Мелетіемъ въ 1605 году.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшіе потомки князей Острожскихъ не были достойны своихъ славныхъ предковъ. Младшій сынъ К. К. Острожскаго, Янушъ, пережившій своихъ братьевъ, Константина и Александра и наслѣдовавшій большую часть огромныхъ имѣній своего отца, перешелъ въ католичество. Лишенные прежней матеріальной поддержки, православные монастыри стали приходить въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей территоріи принадлежавшихъ Польшѣ западно-русскихъ областей совращеннымъ въ католичество русскимъ дворянствомъ стали возводиться костелы и учреждаться кляшторы съ іезуитскими школами. Послѣ Януша Острожскаго, не имѣвшаго мужского потомства, имѣнія его перешли къ зятю, Александру Заславскому, тоже совращенному въ католичество; послѣ же Александра Острожскаго наслѣдницей осталась единственная его дочь Анна—Алоиза, по мужу Ходкевича. Подъ вліяніемъ своей матери польки она сдѣлалась ярой католичкой и, овдовѣвъ въ 1621 году, окружила себя іезуитами. Съ тѣхъ поръ стала проявляться фанатическая нетерпимость ея къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ насажденію католичества въ доставшихся ей по наслѣдству обширныхъ имѣніяхъ. До сорока православныхъ священниковъ были изгнаны изъ владѣній этой фанатички, и церкви въ селахъ опустѣли. Въ 1624 году она основала въ городѣ Острогѣ іезуитскій монастырь со школою, а мѣстечко Суражъ и село Андрушевку, данныя дѣдомъ ея, княземъ К. К. Острожскимъ, Острожскому Троицкому училищному монастырю, выкупила изъ аренды у князя Александра Пузыры и лишила этотъ монастырь средствъ къ существованію. Впослѣдствіи самая Троицкая церковь была обращена ею въ іезуитскую каплицу, и знаменитое Острожское училище, служившее разсадникомъ просвѣщенія въ западной Руси, прекратило свое существованіе.

XV.

Съ ковчиною Сагайдачнаго угнетеніе народа и глуменіе надъ вѣрой православной во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой снова усилились и дошли до крайнихъ предѣловъ самаго дикаго варварства. Софійскій соборъ въ Кіевѣ и другія церкви были опустошены; Выдубецкій монастырь подвергся разграбленію, а въ Луцкѣ, на Волыни, православныя церкви были обращены въ питейныя конторы. Въ Холмѣ и Львовѣ было запрещено ходить со Св. Дарами къ больнымъ и открыто хоронить умершихъ „схизматовъ“, то есть тѣхъ православныхъ, которые не пожелали присоединиться къ униі. Въ Минскѣ церковная земля была отдана подъ постройку татарскихъ

мечетей. Въ Вильнѣ всѣ православныя церкви были заняты шинками и гостинницами. Неслыханныя издѣвательства творились надъ православнымъ духовенствомъ: священниковъ сажали въ бочки, мучили и подвергали всякимъ оскорбленіямъ. Жесточайше наказывали и даже казнили смертью того изъ православныхъ, кто уклонялся итти за уніатскими процессіями.

Все это порождало вспышки народныхъ возстаній. Такъ, въ Ноябрь 1623 года былъ убитъ въ Витебскѣ отличавшійся особеннымъ фанатизмомъ полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, а въ Кіевѣ, незадолго передъ тѣмъ, запорожцы утопили въ Днѣпрѣ бывшаго уніатскаго митрополичьяго намѣстника, игумена Выдубецкаго монастыря Анатолія Грековича, заподозрѣннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ новымъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ. Послѣдствіемъ этихъ событій явилось поголовное преслѣдованіе всего православнаго населенія Бѣлоруссіи и Малороссіи. Правительство польское нашло удобный случай лишить казаковъ всѣхъ политическихъ правъ и снова подчинило управленіе въ Малороссіи коронному гетману. Народъ былъ отягченъ новыми поборами въ пользу ненасытной шляхты. Кромѣ прежнихъ податей и налоговъ, были придуманы еще „индукты“ и „свекты“. Это были пошлины съ покупки и продажи животныхъ, съѣстныхъ припасовъ и всѣхъ, вообще, произведеній крестьянскаго хозяйства. На православныхъ была наложена, сверхъ того, особая подать, „похожая, по словамъ лѣтописи, на дань апокалиптическую, во дни антихристовы описываемую“, а именно: передъ праздникомъ св. Пасхи продажа пасхальныхъ хлѣбовъ производилась не иначе, какъ подъ надзоромъ польскихъ урядниковъ. Кто имѣлъ на груди ярлыкъ съ надписью „Уніатъ“, тотъ покупалъ хлѣбъ свободно; кто не имѣлъ такого ярлыка, долженъ былъ уплатить по „тинфѣ“ и по полухлѣбу, смотря по величинѣ покупаемаго хлѣба. Въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ торгъ пасхами отдавался на откупъ жидамъ за триста рублей. Откупщики, въ интересахъ большей наживы, слѣдили за тѣмъ, кто и сколько долженъ былъ купить пасохъ по числу душъ въ своемъ семействѣ. Хозяева, которые пекли для себя пасхи дома, подчинялись особому надзору, и сборъ „пасхальной подати“ производился при церквахъ, во время освященія пасохъ, а чтобы кто-либо не ускользнулъ отъ подати, еврей-откупщикъ намѣчалъ каждый приносимый для освященія хлѣбъ мѣломъ или углемъ *).

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 120—121.

Невыносимо тяжелое положеніе народа заставило, наконецъ, Кіевскаго воеводу, князя Александра Заславскаго, католика, но русскаго по происхожденію, принести королю и сейму жалобу на творимыя поляками безчинства. Въ жалобѣ этой онъ приводилъ, что своеволіе шляхты и коронныхъ войскъ перешли всякую мѣру. Королевичъ Владиславъ, нѣсколько разъ командовавшій малороссійскими войсками, цѣнившій заслуги казаковъ и знавшій наклонность шляхты къ беззаконію и непомѣрному господству тоже заступился передъ своимъ отцомъ за угнетенный народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и шведскій король, Густафъ Адольфъ, принявъ сторону Малороссіи и черезъ уполномоченнаго министра своего въ Варшавѣ писалъ Сигизмунду, что „предпріятія и подвиги обоихъ союзныхъ королевствъ—Польскаго и Шведскаго на пользу обоюдную, всегда усовершенствованы были постоянною храбростію и мужествомъ войскъ русскихъ, составлявшихъ центръ польской арміи, а безпримѣрное послушаніе ихъ къ начальству и терпѣніе въ нуждахъ и тягостяхъ воинскихъ всегда удивляло и восхищало его, какъ самовидца и соучастника ихъ подвиговъ; и потому неможетъ онъ никогда смотрѣть хладнокровно на чинимыя войску тому и народу безчеловѣчныя насилія и варварства отъ своеволія поляковъ, весьма худо повинующихся своему правительству и дошедшихъ до безчеловѣчья“.

Въ заключеніе этого письма шведскій король высказалъ, что не можетъ надѣяться на прочность союзныхъ договоровъ, заключенныхъ съ такимъ правительствомъ, которое допускаетъ въ странѣ своей анархію и неограниченный деспотизмъ владѣльцевъ и вельможъ, не признающій человѣческихъ правъ народа.

Вразумительное письмо шведскаго короля заставило Сигизмунда опомниться и принять мѣры къ обузданію шляхты, но мѣры эти оказались неэффективными, такъ какъ власть короля въ польской Рѣчи Посполитой была слишкомъ ограничена, и шляхта плохо ему повиновалась.

У малорусскаго народа всякая надежда на облегченіе нестерпимаго ига была окончательно потеряна, а въ 1625 году митрополитъ Іовъ Борецкій отправилъ въ Москву Луцкаго (на Волыни) епископа Исаакія Борисковича съ просьбой къ царю и патріарху принять Малороссію и Запорожье подъ свое покровительство.

У малороссіянъ одна только дума,—говорилъ епископъ Исаакій царскимъ боярамъ,—какъ бы поступить подъ государеву руку.

Посольство это успѣха не имѣло. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ лишь завѣрить малороссійскій народъ, въ желаніи оказать ему всяческую поддержку въ дѣлахъ вѣры православной. Митрополиту Іову онъ послалъ въ подарокъ образъ Пресвятой Богородицы да пять сороковъ соболей; Исаакій получилъ три сорока соболей въ сто рублей, сорокъ соболей въ тридцать рублей, и, кромѣ того, сорокъ куницъ.

XVI.

Междугетманство послѣ смерти Петра Конашевича-Сагайдачнаго продолжалось шесть лѣтъ. Въ 1625 году Запорожцы избрали гетманомъ Малороссіи Михаила Дорошенка, дѣда будущаго знаменитаго гетмана Петра Дорошенка. Онъ водилъ казаковъ на крымскихъ татаръ и турокъ, но походы эти были неудачны. Послѣ Дорошенки гетманомъ Малороссіи былъ нѣкоторое время ставленникъ поляковъ Грицько. Явившись въ Сѣчь для увѣщеванія возмущившихся противъ Польши Запорожцевъ, онъ былъ убитъ; на его мѣсто казаки избрали корсунскаго полковника Тараса Трасыло.

Около того же времени у поляковъ возникла война со шведами, въ результатъ которой Польша потеряла Самогитію, Курляндію и часть Пруссіи. Эта крупная неудача польскаго оружія не уняла, однако, буйнаго высокомѣрія шляхты. Безчинства и своеволія стали проявляться въ Малороссіи съ прежней силой. Тарасъ Трасыло выступилъ на защиту изстрадавшагося народа. Онъ собралъ свое войско, взялъ изрядное число пушекъ и двинулся къ Переяславу. По дорогѣ силы казаковъ увеличились, и численность ихъ возросла до 30000 человекъ. У Переяслава, между Трубежомъ и Альтою, Тарасъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ и сталъ поджидать врага.

Поляки встрепенулись. Изъ всѣхъ концовъ Малороссіи они собрались подъ знамена войскъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Кромѣ того, къ нему пришли подкрѣпленія изъ коронной Польши. Съ силами, значительно превосходившими казаковъ, Конецпольскій выступилъ противъ казацкаго гетмана и остановился подъ Переяславомъ, противъ

его укрѣпленнаго лагеря. На слѣдующій день началось сраженіе. Обѣ стороны дрались ожесточенно. Поляки напрягали всѣ усилія, чтобы ворваться въ казацкій лагерь, но казаки храбро отбивали ихъ отчаянныя атаки и рѣшили скорѣе умереть всѣ до одного, чѣмъ сдаться полякамъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Насталъ католическій праздникъ „Божьяго Тѣла“. Въ станѣ поляковъ началась постройка и убранство зеленю и цвѣтами передвижныхъ алтарей. Громовымъ салютомъ изъ всѣхъ орудій открылись праздничныя торжества. Послѣ обычныхъ молебновъ и процессій началось пированіе. Оно затянулось до поздняго вечера.

Весь этотъ день казаки никакихъ враждебныхъ дѣйствій не предпринимали. Казалось—они отдыхали подъ шумъ разгульнаго веселья своихъ противниковъ, но когда сгустились сумерки, и тихая лѣтняя ночь окутала землю и убаюкала хмѣльные головы поляковъ,—значительная часть казацкаго войска вышла изъ своихъ окоповъ, пробралась ползкомъ въ лощину, окружавшую польскій станъ и заняла мѣсто по заранѣ обдуманному плану. Передъ разсвѣтомъ, когда всѣ передвиженія были закончены, казаки, по условному сигналу, ударили на станъ непріятели одновременно съ двухъ сторонъ. Полунагіе, неуспѣвшіе еще проспаться послѣ вчерашняго веселья, поляки бросились къ оружію, но было уже поздно. Казаки завладѣли ихъ центромъ и стали наносить жестокія пораженія. Какъ скошенная трава ложилось польское войско подъ сокрушительными ударами казацкихъ пикъ и сабель. Немногіе успѣли спастись. Однихъ дворянъ погибло 300. Весь непріятельскій обозъ и артиллерія достались побѣдителямъ. Битву эту казаки назвали „Тарасовой ночью“.

Изъ-подъ Переяславля храбрые борцы за волю и свободу народа двинулись мелкими отрядами по различнымъ направленіямъ. Проходя черезъ города, мѣстечки и деревни, они безпощадно избивали польскую шляхту и евреевъ-арендаторовъ. Избіенія послѣднихъ сопровождались особенными жестокостями. Это была месть народа, чаша терпѣнія котораго переполнилась. Прежде чѣмъ повѣсить или зарѣзать еврея, казаки подвергали его мучительнымъ истязаніямъ; они напоминали ему всѣ издѣвательства и глумленія надъ вѣрой христіанскою, рассказывали ему про аренду пасочную, про значки и крестики

уголькомъ и мѣломъ на пасхахъ и потомъ уже доканчивали свою жертву.

Свирѣпствуя надъ шляхтой и евреями, казаки шли все дальше и дальше въ глубь Малороссіи. Польское правительство не въ силахъ было остановить этого стихійнаго движенія возставшаго за свои права народа. Его вниманіе было отвлечено возобновившейся войной со шведами. Но въ концѣ—концовъ коронному гетману Конецпольскому все-таки удалось кое-какъ усмирить казаковъ. Въмѣсто Тараса Трасылы судьба котораго исторіи неизвѣстна, былъ избранъ Семень Перевязка. Вскорѣ казаки заподозрили его въ измѣнѣ. Онъ былъ преданъ войсковому суду, но съ помощью жида-крамаря, Лейбовича, „продавшаго часовымъ усыпительнаго табаку“, бѣжалъ и тѣмъ спасся отъ позорной казни.

XVII.

Въ 1632 году умеръ Сигизмундъ III, сорокъ пять лѣтъ томившій западно-русскій народъ въ безправіи, тиранствѣ и угнетеніи. На польскій престолъ вступилъ сынъ его, Владиславъ IV.

Молодой, пылкій и даровитый король, ненавидѣвшій іезуитовъ, внесшихъ разладъ и непримиримую вражду между двумя братскими народами, прекрасно зналъ распущенность и своеволие пропитанной іезуитскимъ ученіемъ польской шляхты, ненасытно стремившейся къ неограниченному господству и къ захвату въ свои руки даже власти, принадлежащей королю. Еще въ дѣтствѣ онъ слыхалъ о звѣрскомъ издѣвательствѣ пановъ надъ поработеннымъ западно-русскимъ народомъ. Къ нему не разъ доходили и слухи о тѣхъ безчеловѣчныхъ и безразсудныхъ насиліяхъ, которыми сопровождалось обращеніе православныхъ въ унию. Ему была знакома фанатическая ненависть польской шляхты къ русскимъ. Благодаря фанатизму и высокомерію пановъ, онъ лишился московскаго престола, на который былъ избранъ при жизни своего отца. Въ отзывчивой душѣ молодого короля симпатіи лежали на сторонѣ западно-русскаго народа, правоту котораго онъ видѣлъ проницательнымъ умомъ и чувствовалъ сердцемъ.

Истомившійся подъ невыносимымъ польско-шляхетскимъ игомъ западно-русскій народъ и казачество питали надежды на заступниче-

ство за нихъ молодого короля, на улучшение ихъ тяжелой участи. И, дѣйствительно,—на избирательномъ сеймѣ 1 ноября 1632 года Владиславъ настоялъ на признаніи законнымъ существованія въ Кіевѣ православной митрополіи, на кафедру которой тогда же былъ возведенъ знаменитый основатель Кіевской академіи Петръ Могила. По настоянію Владислава же, сеймъ призналъ за православными право имѣть четырехъ епископовъ: въ Перемышльѣ, Львовѣ, Луцкѣ (въ Воляни) и Могилевѣ. Наконецъ на коронаціонномъ сеймѣ 18 февраля 1633 года молодой король торжественно подтвердилъ привилегіи, данныя малорусскому народу прежними королями и отнятыя Сигизмундомъ III.

Православнымъ приходамъ въ Воляни были возвращены церкви во Владиміро-Волянскѣ, Кременцѣ, Дубиѣ, Корытницѣ, Ратномъ, Любомлѣ, и другихъ городахъ, а также нѣкоторые монастыри. Тогда же въ противодѣйствіе тлетворному вліянію иезуитовъ и навязанной народу униі, нѣкоторые еще оставшіеся вѣрными православію дворяне-землевладѣльцы Волянскаго воеводства, основали новые монастыри со школами для просвѣщенія народа въ духѣ православія. Такъ, напри- мѣръ: въ 1633 году владѣтельные вельможи Даніилъ Малинскій и Лаврентій Древинскій съ разрѣшенія короля Владислава IV, основали въ Кременцѣ Богоявленскій братскій монастырь со школой и типографіей; въ 1635 году князья Четвертинскіе основали Крестовоздвиженскій монастырь въ селеніи Туминѣ, Луцкаго повѣта; въ 1636 году дворянинъ Семень Гулевичъ-Воютинскій основалъ общежительный монастырь въ селеніи Бѣломъ Стокѣ, того же Луцкаго повѣта и при этомъ монастырѣ школу „для дѣтей шляхетскихъ и разнаго состоянія людей“; въ 1637 году дворянка Ирина Ярмолинская основала такой же монастырь въ селеніи Загайцахъ, Кременецкаго повѣта; въ томъ же году Даніилъ Малиновскій основалъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Кременецкаго повѣта, Троицкій монастырь, а въ мѣстечкѣ Гошцѣ, Ирина Соломорецкая основала Михайловскій монастырь и учредила при немъ школу, которая такъ же, какъ и бывшее Острожское монастырское училище, не уступала знаменитой Кіевской Коллегіи.

Кромѣ перечисленныхъ монастырей—школъ, около того же времени было сооружено иждивеніемъ волянскаго дворянства нѣсколько православныхъ храмовъ въ Кременецкомъ, Луцкомъ, Владиміро-Волянскомъ, Овручскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ.

Всѣ вновь открытыя въ Воляни монастырскія школы были подчинены Кіево-Братской Коллегіи и находились подъ особымъ покровительствомъ митрополита Петра Могилы.

Въ своихъ заботахъ объ умиротвореніи народа король Владиславъ IV издалъ постановленіе, по которому всѣмъ гражданамъ государства вмѣнялось въ обязанность жить между собою въ добромъ согласіи и не нарушать правъ другъ друга, при чемъ дозволялся свободный переходъ какъ изъ православія въ унию, такъ и изъ униіи въ православіе.

Привилегіи западно-русскаго народа, касательно вѣры, были утверждены Владиславомъ, несмотря на сильныя протесты не только со стороны католическаго и униатскаго духовенства, но и со стороны папы.

Владиславъ ничего не могъ сдѣлать для казаковъ. Поляки видѣли въ казачествѣ несокрушимую силу, которая можетъ противодействовать ихъ непомерному господству въ богатой „текущей молокомъ и медомъ“ Малороссіи, гдѣ шляхта успѣла уже свить себѣ прочныя гнѣзда и захватить въ свои руки обширныя помѣстья. Поэтому желаніе короля предоставить казачеству прежнія льготы и улучшить его положеніе вызвало среди пановъ цѣлую бурю озлобленнаго протеста. Какъ бы въ отвѣтъ на благопріятствовавшія казакамъ проекты короля, поляки, въ лицѣ засѣдавшихъ въ сеймѣ пановъ, постановили усугубить мѣры къ искорененію казачества, и первымъ дѣломъ, какъ можно строже, подчинить его коронному гетману; для укрощенія же грознаго Запорожья построить на Днѣпрѣ крѣпость, которая удерживала бы сбѣжавшихъ казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ, Турцію и во владѣнія Рѣчи Посполитой.

Это постановленіе сейма состоялось въ 1635 году, и вскорѣ на Днѣпрѣ, немного выше Сѣчи, была заложена поляками крѣпость Кодакъ.

XVIII.

Послѣ свергнутаго казаками Переязки, гетманомъ малороссіи былъ избранъ генеральный хорунжій Павлюкъ.

Запорожцы не переставали совершать свои смѣлые морскіе походы и, по прежнему не разъ „окуривали мушкетнымъ дымомъ“ стѣны Константинополя, жгли турецкія галеры и освобождали невольниковъ и съ богатой добычей возвращались въ свою неприступную Сѣчь.

Въ 1632 году кошевымъ атаманомъ былъ у нихъ Арламъ, послѣ него—Сулима. Узнавъ о начатой поляками постройкѣ крѣпости на Днѣпрѣ и понявъ ея назначеніе, онъ въ августѣ мѣсяцѣ 1635 года напалъ на ея гарнизонъ, состоявшій изъ 200 человекъ, перебилъ его и самую крѣпость присвоилъ.

По приказанію короннаго гетмана Конецпольскаго, Сулима былъ осажденъ въ Кодакѣ и, схваченный живымъ, отвезенъ въ Варшаву и тамъ четвертованъ.

Послѣ этого въ Малороссіи опять начались неистовства польскихъ войскъ и шляхты. Положеніе народа и казачества снова стало невыносимымъ. Въ 1637 году опредѣленіемъ сейма было постановлено подчинить всѣхъ казаковъ сеймовымъ комиссарамъ, что означало—поставить ихъ въ зависимость отъ шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки были лишены не только правъ самоуправленія, но и всякихъ имущественныхъ правъ. Цѣлыя толпы пановъ нахлынули въ богатую, хлѣбородную Малороссію и стали забирать въ свое владѣніе все, что принадлежало казакамъ. Путемъ этого захвата и появились на Украинѣ громадныя имѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскихъ и др. Одновременно съ лишеніемъ земельной собственности казаки были обращены въ „невольную челядь“, въ холопство. Крестьяне были обложены новыми налогами и, между прочимъ, особой податью за браки и поголовной платой за каждаго новорожденнаго младенца мужескаго пола. Но этимъ еще не исчерпывались всѣ мѣры варварскаго угнетенія народа. Фанатизмъ польской шляхты дошелъ до того, что въ имѣніяхъ, перешедшихъ къ польскимъ магнатамъ, церкви православныя были отданы въ аренду жидамъ. Защитникомъ угнетеннаго и оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ народа выступилъ гетманъ Павлюкъ. Онъ собралъ свое войско и двинулся на Украину. Конецпольскій поручилъ напольному гетману Потоцкому выступить противъ казаковъ. Въ декабрѣ 1637 года обѣ стороны сошлись возлѣ Корсуня. Въ сраженіи подъ селомъ Кумейками, 16 декабря 1637 года, казаки понесли полное пораженіе и потеряли весь свой обозъ. Въ ночь на 17 декабря Павлюкъ со своимъ разбитымъ войскомъ отступилъ къ деревнѣ Боровицѣ, гдѣ подошли къ нему свѣжія силы. Армія польская двинулась вслѣдъ за Павлюкомъ. Казаки готовы были принять новое сраженіе, но Потоцкій предложилъ заключить миръ, общая, именемъ короля, прощеніе и подтвержденіе правъ и привилегій войска малороссійскаго и народа, при условіи низложе-

нія Павлюка, которому предоставлялось свободно жить въ своемъ помѣстьи, и признанія гетманомъ Перевязки.

Казаки согласились. Миръ былъ подписанъ и утвержденъ обоюдной присягой. Но какъ только они начали расходиться, поляки окружили ихъ и, набросившись на нихъ всѣми своими силами, стали предательски убивать. Тѣмъ, которые были схвачены живыми, они отрѣзали усы и „чупруны“, гетмана же Павлюка, обознаго Громыча, и есауловъ Побидесыла, Лятегу, Шкурая и Путылу заковали въ кандалы и, подъ видомъ плѣнныхъ, отправили въ Варшаву. Здѣсь всѣ эти казацкіе старшины безъ всякаго слѣдствія были присуждены къ смертной казни.

У Павлюка была заживо снята съ головы кожа и набита гречневой половой; остальнымъ головы были просто отрублены и всѣ вмѣстѣ разсланы по малороссійскимъ городамъ „на устрашеніе схизматовъ“. Голова Павлюка была послана въ Чигиринъ,—остальныхъ старшинъ—въ Нѣжинъ, Умань, Бутуринъ и Черкасы. Насаженныя на высокіе шесты, онѣ выставлялись на базарныхъ площадяхъ, во время ярмарокъ, а затѣмъ были всенародно сожжены.*)

Участь, постигшая Павлюка и старшинъ, не устрашила казаковъ. Они вольными голосами избрали въ гетманы молодого Нѣжинскаго полковника Стефана Острианицу, а опытнѣйшаго изъ войсковыхъ товарищей, Леона Гуню, назначили ему въ совѣтники.

Между тѣмъ, безчинства шляхты по Малороссіи не прекращались. Польскія войска облагали города и села тяжелой контрибуціей. Положеніе народа стало еще тяжелѣе. Казаки начали собираться у Переяслава. Отсюда, предводительствуемые новоизбраннымъ гетманомъ, они направились на ближайшіе приднѣпровскіе города. Высланные Потоцкимъ противъ нихъ передовые отряды польскихъ войскъ были разбиты. Казаки шли дальше и на р. Старицѣ встрѣтились съ главной арміей наполянаго гетмана. Потоцкій стоялъ здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ. По своему обыкновенію, послѣ перваго пушечнаго и ружейнаго залпа, окутавшаго поле сраженія непроницаемыми тучами дыма, казаки бросились въ атаку. Дружный ударъ въ пики и сабли сбилъ поляковъ съ ихъ позицій. Они не успѣвали заряжать ружей и пи-

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 132—133.

столетовъ и должны были принять рукопашный бой, но устоять въ немъ не могли. Казаки дрались какъ разъяренные львы. Поляки защищались тоже съ ожесточеніемъ, но ряды ихъ рѣдѣли; поле сраженія покрывалось грудami тѣлъ а казаки все наступали и наступали. Не оборачивая тыла, отбиваясь отъ казацкихъ пикъ однѣми саблями, войска польскія пятились назадъ и, не замѣчая близости обрывистаго берега рѣки, падали въ воду и тонули. Такъ погибли цѣлыя колонны ихъ.

Битва на рѣкѣ Старицѣ дорого обошлась полякамъ. Одними убитыми они оставили 11317 человекъ. Весь обозъ съ артиллеріей и всѣми запасами достался побѣдителямъ. Самъ наполюный гетманъ Потоцкій съ небольшимъ числомъ конницы еле спасся вылавъ черезъ рѣку. Потери казаковъ тоже были значительны. Въ числѣ 4727 человекъ убитыхъ погибъ и Гуня.

Послѣ преданія землѣ тѣлъ какъ павшихъ въ бою товарищей, такъ и враговъ, казаки отправились въ погоню за Потоцкимъ и настигли его въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни. Здѣсь онъ, въ ожиданіи помощи изъ Польши, укрылся въ замкѣ. Острица осадилъ замокъ и приступилъ къ штурму, но Потоцкій выслалъ на встрѣчу казакамъ церковную процессію, во главѣ съ православнымъ духовенствомъ, которое стало уговаривать ихъ принять мирныя предложенія поляковъ.

Казаки собрали раду, и послѣ долгихъ совѣщаній, согласились на заключеніе мирнаго договора. Когда договоръ этотъ былъ составленъ и подписанъ, представители обѣихъ сторонъ отправились въ церковь и дали клятвенное обѣщаніе предать забвенію всякую вражду. Вмѣстѣ съ тѣмъ поляки, именемъ короля и Рѣчи Посполитой, присягнули въ ненарушимомъ сохраненіи за казачествомъ и всѣмъ народомъ малороссійскимъ издревле принадлежавшихъ ему правъ и привилегій. Послѣ этого осада была снята, и войска разошлись.

Гетманъ Острица, генеральные старшины и полковники, храня завѣты христіанства и освященные вѣками обычаи южно-русскаго православнаго народа, отправились изъ-подъ мѣстечка Полоннаго въ Каневскій монастырь, чтобы подъ сѣнью этой особенно чтимой казаками святыни, гдѣ покоился прахъ обезглавленнаго гетмана Подковы, принести благодареніе Богу за дарованную побѣду и достигнутый ею мирный договоръ.

Но насколько благоговѣнно относились казаки къ данной ими священной клятвѣ, на столько же легкомысленно смотрѣла на нее извращенная іезуитскимъ ученіемъ польская шляхта.

Подписавшіе мирный договоръ и присягнувшіе въ соблюденіи его польскіе военачальники тотчасъ же, по снятіи казаками осады полоненскаго замка, обратились къ своему духовенству. Опираясь на власть, данную папой разрѣшать грѣхи и клятвы, и исходя изъ тѣхъ соображеній, что вообще присяга, учиненная между католиками и „схизматами“, не считается для первыхъ обязательною, ксендзы немедленно разрѣшили и ту присягу, которая была дана въ Полонномъ. Тогда уцѣлѣвшіе послѣ битвы подъ Старицею остатки польскихъ войскъ, провѣдавъ о паломничествѣ Острианицы, пробрались потайными путями къ Каневу, окружили его со всѣхъ сторонъ и ворвались въ монастырь. Гетманъ и съ нимъ 37 казацкихъ старшинъ были схвачены и въ крытыхъ телѣгахъ, глухими проселками, съ чрезвычайной поспѣшностью доставлены въ Варшаву. Самый монастырь каневскій и церкви поляки разграбили и подожгли.

При приближеніи къ Варшавѣ, всадники, конвоировавшіе Острианицу и его товарищей, высадили ихъ изъ телѣгъ, связали веревками попарно и, накинувъ петли на шею, торжественно, съ барабаннымъ боемъ, ввели ихъ въ городъ, при чемъ возглашали передъ собравшейся толпой, что „схизматы“ взяты въ плѣнъ при побѣдѣ, одержанной польскими войсками въ сраженіи надъ р. Старицей.

Затѣмъ, жертвы этого коварства были ввержены въ подземныя темницы, гдѣ должны были ожидать дальнѣйшей участи.

Вскорѣ прибыли въ Варшаву жены узниковъ. Одиѣ изъ нихъ привезли съ собою грудныхъ младенцевъ, а другія малолѣтнихъ подростковъ. Эти несчастныя матери думали умиловити польскихъ вельможъ слезами неповинныхъ дѣтей. Трогательны были мольбы малютокъ за своихъ отцовъ, но въ очерствѣлыхъ сердцахъ кровожадныхъ магнатовъ не было никакого состраданія. Они какъ бы наслаждались муками тѣхъ людей, пѣтомъ и кровью которыхъ стяжали себѣ несмѣтныя богатства.

Черезъ нѣсколько дней узниковъ повели на казнь. Шествіе это, по словамъ лѣтописи, „открывала процессія римская со множествомъ ксендзовъ ея, которые уговаривали ведомыхъ на жертву малороссіянъ,

чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистилищѣ, но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями“.

Гетманъ Острица, генеральный обозный Сурмыло и полковники: Недругайло, Баюкъ и Рындичъ были колесованы; имъ переломали руки и ноги и по колесу тянули изъ нихъ жилы.

Полковники: Гейдеровскій, Вутримъ и Запалый, обозные Кизимъ и Сучевскій были пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты на столбы.

Полковые есаулы: Постыличъ, Гарунъ, Супыга, Подобай, Харкевичъ, Чудагъ и Чурай, сотники: Чупрына, Окуловичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбытъ были стоя прибиты гвоздями къ доскамъ, облитымъ смолою и сожжены медленнымъ огнемъ.

Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребыло, Ахтырка, Потурай, Бурлій и Загныбида были растерзаны желѣзными когтями, устроенными на подобіе медвѣжьей лапы.

Старшины: Мантей, Дунаевскій, Скубрій, Глянскій, Завезунъ, Косыръ, Гуртовый, Тумаръ и Тугай были четвергованы.

Жены и дѣти казнимыхъ, увидя первые ужасы казни, наполнили площадь душу раздирающимъ воплемъ и рыданіями, но ихъ скоро уняли палачи: женамъ были обрѣзаны груди, а затѣмъ всѣхъ ихъ до одной изрубили на эшафотѣ, при чемъ сосцами били по лицу еще живыхъ мужей, дѣтей же, бродившихъ и ползавшихъ около окровавленныхъ тѣлъ матерей, пережгли въ виду отцовъ ихъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ которыя палачи подкладывали уголья и раздували ихъ метелками и шапками.

Головы, руки и ноги казненныхъ гетмана и старшинъ были развезены во всѣ концы Малороссіи и развѣшены на высокихъ столбахъ по городскимъ площадямъ. Весь юго-западный край подвергся грабежамъ, неслыханнымъ безчинствамъ и насиліямъ со стороны польскихъ войскъ. Всюду повторялись варшавскія звѣрства и производились самыя лютыя казни: на глазахъ родителей сжигали или варили въ

котлахъ дѣтей и тутъ же предавали мучительной смерти матерей. Въ отданныхъ въ аренду жидамъ церквахъ было разграблено все церковное имущество. Нерѣдко жида-шивкари покупали у несшихъ военную службу спившихся польскихъ шляхтичей потиры, дискосы, ризы и стихари. Приобрѣтенное такимъ образомъ церковное серебро жида переливали себѣ на посуду, а изъ ризъ и стихарей жидовки шили себѣ нагрудники.

Одна изъ малороссійскихъ лѣтописей тогдашняго времени содержитъ въ себѣ слѣдующее описаніе варварствъ, которымъ подвергался малорусскій народъ непосредственно послѣ казни Острианицы и его товарищей:

„Такожде многихъ храбрыхъ и славныхъ казаковъ различными муками погубиша: иныхъ на четверо разсѣкающе, иныхъ на палѣ избивающе, другихъ на желѣзные гаки за ребра вѣшающе, и въ тѣхъ часѣхъ поставиша дани: дуди неякіясь, повивачное, пороговщину, подымное, поголовщину, очковое, ставщизну, поемщизну, сухомельщину. Тоже церкви Божіи жидамъ запродаяху, и за дозволеніемъ жидовскимъ младенцевъ крещажу; и всякіе обряды церковные жидамъ поддаяху въ аренду. Казаковъ же только 6000 судиху себѣ имѣти; а прочимъ, аще бы и сынъ славнаго казака былъ, то взяли у подданство, а и реестровыхъ казаковъ въ великой тѣснотѣ держажу; ни чести, ни славы, ни воли; бѣху, бѣдніи, горше турецкой неволи. Еще же поставиша надъ казаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину лядскія вѣры и употребляли казаковъ до грубъ топленія, до хандоженія коней, хортовъ и дворовъ чищенія“ *).

Таково было состояніе Волыни и всей вообще Малороссіи въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія.

Послѣ Острианицы казаки избрали гетманомъ Савалтовича, но, заподозрѣвъ его въ измѣнѣ, убили. Его мѣсто занялъ Карпо Полторакожуха. Бывшее при немъ возстаніе, въ которомъ участвовали и Запорожцы, успѣха не имѣло. Въ подавленіи его принималъ дѣятельное участіе ополчившійся потомокъ когда-то славныхъ защитниковъ малорусской народности и православія, князь Іеремія Корибуть-Вишневецкій. И отецъ, и мать Іеремія Вишневецкаго, дочь молдавскаго

*) Исторія Малороссіи П. Маркевича, т. V, стр. 26.

господаря Іереміи Могилы, были оба православными, но сынъ ихъ, получивъ образованіе въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ, пропитался духомъ іезуитскаго ученія и перешелъ въ католицизмъ. Женившись, затѣмъ, на польской княжнѣ Гризельдѣ Замоиской, и войдя, вслѣдствіе этого брака, въ родственныя связи съ польскими магнатами, онъ подпалъ подъ ихъ вліяніе и сдѣлался ярымъ гонителемъ вѣры своихъ предковъ.

Разбитое войско казацкое было разсѣяно и скиталось въ безлюдныхъ приграничныхъ степяхъ. Послѣ смерти Карпа Полторакожуха въ 1642 году былъ избранъ гетманомъ Максимъ Гулакъ. Попытки его собрать казаковъ и защитить многострадальную родину отъ невыносимаго польскаго гнета были тоже неудачны. Надъ рѣкою Тясьменемъ казаки были опять разбиты польскими войсками, подъ предводительствомъ чигиринскаго старосты Чарнецкаго.

Поляки торжествовали. Имъ казалось, что несокрушимая сила казацкая уже сломана, что самъ народъ малороссійскій, уставъ отъ вѣковой борьбы, преклонится, наконецъ, передъ господствомъ шляхты и, надѣвъ рабское ярмо, безропотно повлечитъ свое подневольное существованіе.

Опьяненная кровью этого неповиннаго народа польская шляхта проводила дни и ночи въ дикомъ разгулѣ безпутствъ, насилій и тиранства. Стонъ и вопли несчастныхъ жертвъ этого безумнаго разгула не пробуждали въ заплывшихъ жиромъ сердцахъ пресыщенныхъ магнатовъ ни жалости, ни состраданія. Они потакали шляхтѣ и сами предавались такому же распутству и насиліямъ. Надъ благодатнымъ малороссійскимъ краемъ нависла темная туча унынія и горя, но въ той сторонѣ, гдѣ лежало „дикое полѣ“, гдѣ „тырса шумѣла“ и „били днѣпровскіе пороги“, еще жива была казацкая сила. Тамъ собиралъ ее на защиту народа богатырь—великанъ Зиновій Богданъ Хмельницкій...

Страшный ураганъ народнаго возстанія охватилъ всю юго-западную Русь.

Зарево запылавшихъ замковъ разбудило уснувшую умомъ и совѣстью шляхту. Но было уже поздно...

Н. П. Шадурскій.

